

Авторская колонка

**ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
МИНСКОГО КАПИЩА:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

*Жилинская Татьяна Степановна,
Белановская Анастасия Александровна,
Мискевич Наталья Геннадьевна,
Белорусский государственный университет
культуры и искусств, г. Минск,
Республика Беларусь*

E-mail: kasperbela@gmail.com

УДК 93/94

Аннотация. Языческое капище в г. Минске просуществовало в аутентичном виде до конца XIX века и даже после уничтожения не утратило своего сакрального предназначения. В статье анализируются причины исчезновения языческого святилища на рубеже XIX-XX веков: экономический рост г. Минска, вследствие развития промышленности и возникновению новых предприятий на близлежащих капищу территориях, борьба официальной церкви с религиозным инакомыслием.

Ключевые слова: языческое капище, экономический рост, промышленность.

Первое упоминание о языческом святилище на берегу реки Свислочь в г. Минске зафиксировано в книге доктора геолого-минералогических наук, профессора Э.А. Левкова «Маўклівыя сведкі мінуўшчыны» («Молчаливые свидетели прошлого»), которая была издана в 1992 г. Описание языческого капища и связанных с ним легенд Э.А. Левков получил от доктора искусствоведения, профессора М.С. Кацара, который собрал этнографические данные и зафиксировал их в виде дневниковых записей [1, с. 44].

Капище располагалось в Ляховке – обширном дореволюционном предместье г. Минска, которое в XIX веке делилось на Верхнюю Ляховку, Нижнюю Ляховку и Ляховскую Слободу (устаревшее к тому времени название части Верхней Ляховки). В Минских актах XVI в. (1582 г.) упоминается село «Ляхова Лука», которая принадлежало Минскому Вознесенскому монастырю. Можно предположить, что указанное село располагалось в интересующем нас районе, где река Свислочь образует S-образную извилину, т.е. двойную «луку». Примерно в XVI в. здесь возникла дорога, которая на плане 1796 г. указана как дорога на Смиловичи. Ее возникновение связано с имевшимися для переезда

через реку мостом, на котором находились Ляховские мельницы (направление и параметры совпадают с направлениями и габаритами современной улицы Октябрьской). В начале XIX в. на северо-востоке от дороги появились деревянные хозяйственные постройки хутора Ляховка, напротив которых чуть позже возникли деревянные постройки пивоварни (этот завод просуществовал до середины XX в.). Кирпичный завод, переставший существовать в середине XIX в., располагался в районе современного дрожжевого комбината на ул. Октябрьской [2].

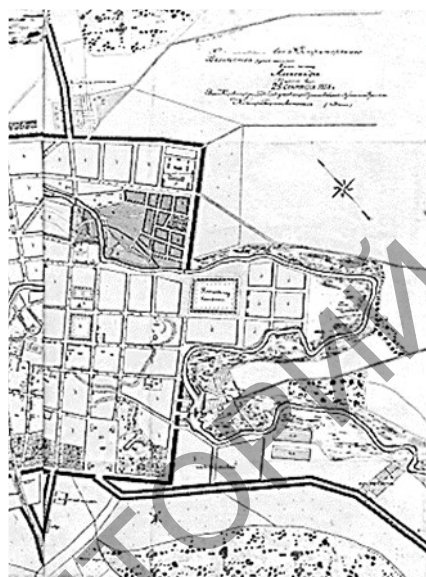

Рис. 1 Часть плана г. Минска на карте 1858 г.

Описываемая территория до середины XIX в. располагалась за пределами города, так как граница городских земель проходила вдоль современной улицы Ульяновской. На городском плане 1858 года (рис. 1) хорошо видно, что месторасположение капища было свободно от застройки [3]. Белорусский писатель-этнограф П.М. Шпилевский в своей работе «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», описывая окрестности Минска, упоминает о «Неморшанской и особенно огромной Ляховской роще, славящихся своими маевками (майскими гуляниями)» [4, с. 153].

Упомянутые П.М. Шпилевским майские гуляния, по мнению авторов, можно определить как пережиток языческого культа почитания деревьев. Например, Д.Д. Фрэзер, пишет о том, что у европейских племен финно-угрской группы языческие культы большей частью отправлялись в священных рощах, огороженных заборами. В самом центре рощи – по крайней мере у волжских племен – стояло священное дерево, которое затемняло собой все окружающее. [5, с. 112-113]

В Европе (Англии, Франции, Германии) широко был распространен праздник 1 мая с воздвижением Майского дерева или Майского столба.

Пуританский писатель Филипп Стабс в своей книге «Анатомия злоупотреблений» опубликованной в Лондоне в 1583 г. с явным отвращением описывает то, как этот обычай соблюдался во время правления королевы Елизаветы (годы правления: 1559-1603): «В Майский праздник, на Троицу или в другое время все молодые люди, девушки, пожилые люди и их жены отправляются ночью в леса, в рощи, горы и на холмы, где всю ночь проводят в приятных забавах. А утром они возвращаются, принося с собой для украшения своих сборищ березу и ветки деревьев... Воздвигнув это дерево с развевающимися платками и флагами... они начинают плясать вокруг него, как язычники при освящении идолов... Едва ли одни из треть ушедших в лес сорока, шестидесяти или ста девушек возвращалась домой столь же целомудренной» [5, с. 123-124]

Упоминание П.М. Шпилевским майских праздников в Ляховской роще и проведенные параллели с европейскими языческими гуляниями, подтверждает, на взгляд авторов, сакральный характер рассматриваемой территории.

По воспоминаниям жителей ул. Лодочной, взятых из дневников М.С. Кацара, место отправления языческих обрядов при Свислочи в то время находилось в лесном массиве: «Лес густой, елка, осина, береза, ольшина, ни пройти, ни проехать. Это была ужасная глушь». Языческое капище, находящееся в чаще, среди болота, на топком берегу Свислочи, представляло собою комплекс, состоящий из нескольких элементов: камень «Дед», дуб «Волат», камень жертвенник. До наших дней сохранился лишь почитаемый камень «Дед» (бел.«Дзед») или «Старец», который перевезли в 80-х годах XX века в парк-музей «Музей валунов». По свидетельствам местных жителей, до 80-х годов XIX века рядом с камнем рос огромный дуб «Волат» («Великан»), который, с сухим верхом и с большим дуплом, был в четыре обхвата (четверо взрослых мужчин, раскинув руки, охватывали его по периметру). Рядом находился ещё один камень, который назывался «жертвенником» (бел.«Агонь» или «Жыжа»). Дуб располагался в центре композиции: с одной стороны от дуба стоял валун «Дед», а со второй - жертвенник (алтарь) с огнём. Жертвенный огонь горел на камнях: дно кострища и сам алтарь был обложен вокруг камнями, которые в диаметре составляли 1 метр. Вокруг алтаря располагались большие валуны, создающие ограду. Высота такой ограды была около 30-40 сантиметров. На этом огне сжигали внутренности жертвенных птиц и животных. М.С. Кацаром упоминается ещё один элемент комплекса — родник или колодец, воду из которого считали целебной. На рис. 2 представлена реконструкция Капища из книги Э.А. Левкова, выполненная В. Стащенюком.

Святылище было многофункциональным: здесь обожествлялись разные явления природы – огонь, камень, дерево, вода. Если рассматривать роль огня, то имя Жыжа подсказывает, что оно было воплощением бога огня Жыжэля. Камень же либо воплощал одного из верховных божеств – Перуна, Велеса или Дажьд бога, либо воплощал в себе умерших предков (культ поклонения предкам). Отсюда его имя – Дед или Старик.

Рис. 2 Реконструкция капища выполненная Виктором Стащенюком

Хочется отметить, что по-английски слово *dead* обозначает умерший. В немецком языке это же самое значение имеет слово *Tote* (покойница, покойник), близкое по созвучию к белорусскому Цёця. Возможно, идолы по имени Дед и Цёця возникли от общего для многих индоевропейских народов неалитического культа умерших предков – опекунов рода. Характерной чертой подобного культа было и поклонение Вечному огню.

Жители Минска сравнивали Деда с Богом. Кристина Нестерович, родившаяся в 1853 году и прожившая большую часть жизни рядом, говорила: «Камень был главным, самый большой святой в этой молельне. Он словно Бог, как это бывает в церкви» [1, с. 46]. Считалось, что Дед помогает излечиться от заболеваний: тяжелобольная женщина, чтобы излечиться, надевала на валун свой фартук на 33 дня. Приносил валун и счастье: девушка, которая хотела выйти замуж, загадывала на конкретного юношу и обвязывала камень рушником, вытканым и вышитым собственными руками. Специфическое лечение назначал волхв, который жил при капище и поддерживал Вечный огонь, при лечении бесплодия. По его совету, когда темнело, женщина должна была сесть на теплый камень «голым местом» так, чтобы всей юбкой закрыть валун. Потом она трижды произносила: «Помоги, Божа!» Процедуру следовало проводить три ночи подряд. Средство считалось эффективным. Во время Крымской войны, когда мужчин забирали в солдаты, волхв Севастей Высокий совершил тайный обряд около огня и камня, а потом сам изготовил свистулек-петушков. Каждая женщина, у которой забрали мужа, получила глиняную свистульку-охранника с инструкцией. Петушка нужно было держать в «красном углу» и каждый день просить: «Милостивый Бог, заступись за раба своего...., защити его от пули быстрой, сабли острой, штыка каленого, от всякой лихости и несчастья». Принося в жертву мед, молоко, вино каменному Деду, их выливали на валун. От таких подношений на площадке временами стоял неприятный запах, на который слетались мухи, пчелы, шмели. Для лечения широко использовались разные

травы и заговоры. Существовала своеобразная такса ни излечение разных заболеваний. Дороже всего стоило лечение от бесплодия и от сглаза. Важная роль отводилась также и «святой воде» из кринички. Ей лечили разные заболевания. Во время эпидемии чумы волхву категорически запретили раздавать воду с капища, чтобы не расширить заразу. Однако он давал воду тайком, при этом стоимость ее возрастала. Тот, кто приводил в качестве жертвы барана, мог получить целое ведро воды от всех заболеваний разом [1, с. 47].

Рядом с капищем была церковь. Местные жители ходили и в церковь, и к камню: церковь готовила к загробной жизни, камень помогал в ежедневных нуждах. Священники убеждали верующих в том, что ходить к камню великий грех, а приносить жертвы огню – богоотступничество. И православные священнослужители, и ксендзы проклинали волхва и всех тех, кто ходил к «молельне у камня». Когда в конце 19 столетия умер волхв Севастей Высокий (практически в столетнем возрасте), его запретили хоронить на кладбище. Похоронили его, согласно некоторым источникам, на территории языческого кладбища которое размещалось на территории нынешнего станкостроительного завода имени Кирова. После смерти Севастея Высокого его дело продолжал сын до тех пор, пока его не репрессировали в 30-х годах XX столетия.

Накануне празднования 900-летия Православия на Руси православные священники обратились к властям с просьбой об разрушении капища. Примерно с 1888 г. начались налеты жандармов, запрещали сжигать жертвенных животных, потушили Вечный огонь, уничтожили кострище, сбросив его камни в Свислочь. Спилили святой дуб Волат, главный камень окрестили. Какое-то время Севастей-младший откупался денежным податком, бочками меда, однако продолжалось это недолго – прогнали и его [1, с. 50].

Примерно на границе XIX-XX вв. капище прекратило свое существование. Остался единственный свидетель тех событий – валун. Но местные жители продолжали ходить к камню лечиться и просить помощи в сложных жизненных ситуациях вплоть до 50-х годов XX века. Имеются свидетельства о том, что перед Великой Отечественной войной, уже после исчезновения волхва, местная шептуха лечила возле этого камня на восходе и заходе солнца от рожистого воспаления, используя заговор и пену прибоя воды у берега [2].

И сегодня, несмотря на то, что Дед находится в «Музее валунов», люди помнят о нем и приносят своего рода жертвы. Монеты разного достоинства, конфеты можно увидеть у валуна и в 2018 г. (рис. 3).

Несомненно, помимо прошения священнослужителей, свою роль в исчезновении языческого капища на территории г. Минска сыграло появление во второй половине XIX в. двух железнодорожных магистралей: Московско-Брестской и Либаво-Роменской. Расположенный на их пересечении город очень быстро превратился в крупный железнодорожный узел, связанный с Московским, Польским и Южным промышленными районами. Первый участок железной дороги в направлении Смоленск-Минск-Брест был открыт в ноябре 1871 г. Через 2 года, в январе 1873 года было открыто постоянное движение на

участке Минск-Вильня (теперь Вильнюс).

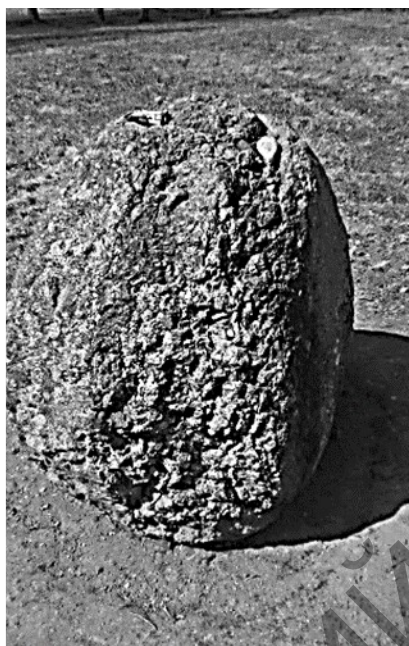
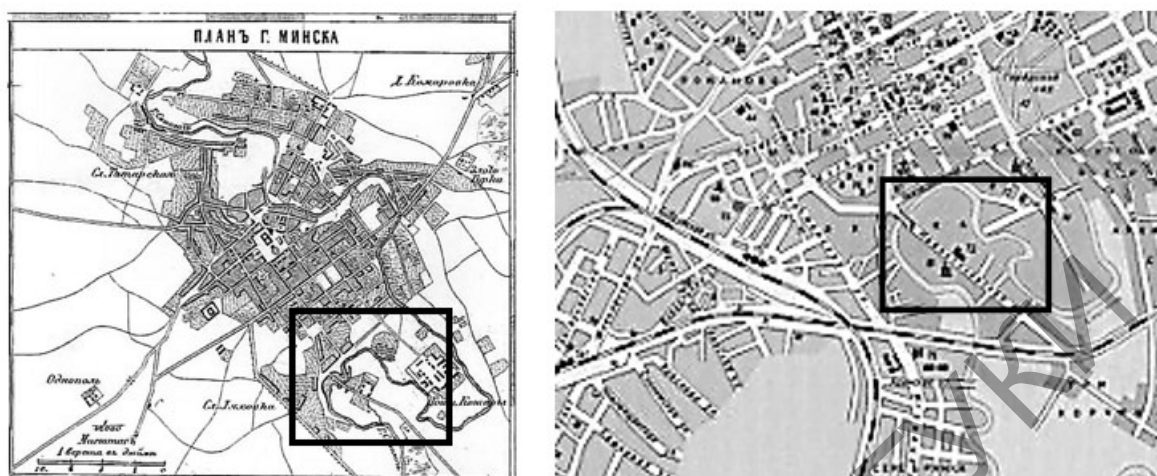

Рис. 3 Валун "Дзед" на территории музея валунов. 2018 г. Фото авторов

Благодаря появлению железной дороги и, соответственно, экономическому росту, в городе развивалась промышленность, увеличивалось население. [6, с. 11-13]. Решающую роль в развитии Минска как промышленного центра, сыграло возникновение ремонтных мастерских железнодорожного ведомства и металлоперерабатывающих предприятий. Именно Минск стал основным центром дрожже-винокуренного производства (в районе Ляховки был построен дрожжевой завод). [6, с. 84]. На рисунке 4 представлены карты интересующего нас района 1871 и 1903 годов. При сравнении видно, как увеличилась территория г. Минска за небольшой промежуток времени: наличие железной дороги обусловило развитие промышленных районов.

Доктор исторических наук, профессор З.В. Шебеко писал, что количество заводов и фабрик в Минске увеличилось с 1895 по 1900 г в 1,7 раз [7, с. 10-11]. Быстро увеличивающийся рынок на сельскохозяйственные орудия труда, металлические изделия бытового назначения и оборудование для фабрик и заводов вызвал появление в Минске чугунно-литейного, машиностроительного и металлоподделочного производства. [7, с. 14]. Именно во второй половине XIX в., когда предместье Ляховка вошло в черту города, были сформированы кварталы № 212, 215, 216, 217, 660: началась распродажа земельных участков и интенсивное строительство заводов на улице Ляховской. К уже существовавшим ранее пивоваренному и кожевенному заводам добавились дрожжевой, целлулоидных гребней, казенный винный склад.

а

б

Рис. 4. а - план г. Минска 1871 г; б - часть карты г. Минска 1903 г.

В 1881 году рядом с языческим капищем возник «Кошарский машиностроительный и чугунно-медно-металлургический завод» «Товарищества Якобсон, Лифшиц и К^о». Следует отметить, что в начале XX в. в этой части города было несколько кожевенных заводов – Л. Монтвелинского, А. Имрета, Б.М. Лане, И. Сальмана. Такое большое количество наличия заводов, особенно кожевенных, легко объяснимо: близость к железной дороге, относительная удаленность от центра, а также река, дающая достаточное количество воды для промышленных нужд. Но прежде всего слив использованной воды шел в реку, течение сразу же выносило ее за пределы города, что избавляло владельцев заводов от дополнительных финансовых затрат и неприятностей с властями. По функциональному использованию имеющаяся застройка в этой части города в основном оставалась производственной: самые ранние сооружения – Ляховские мельницы, хозяйственные постройки хутора Ляховка, пивоварня, трансформировавшаяся в дальнейшем в пивоваренный завод, дрожжевой завод, казенный винный склад, кожевенные заводы, металлообрабатывающий завод. К концу XIX в. район Ляховки становится южной рабочей окраиной города [8].

Заключение. К концу XIX в. г. Минск становится не только крупнейшим промышленным, но и важнейшим торговым центром дореволюционной Беларуси. Район Ляховка, на территории которого находилось языческое святилище, интенсивно застраивается промышленными предприятиями, часть которых существует и в настоящее время. Плотная промышленная застройка района обусловлена близким расположением к железной дороге и возможностью беспрепятственного использования природного источника воды для промышленных целей. Возникновение промышленной зоны, появление

крупного железнодорожного узла, и последующий экономический рост города в XIX-XX вв. превратили тихий, провинциальный Минск в индустриальный центр Северо-Западного края.

Сохранение в бытовой сфере, фольклорных традициях и верованиях многих элементов архаического наследия неизменно сопутствует социально-экономическому развитию Беларуси. Христианская конфессия в условиях соперничества между собой православной и католической ветвей и свойственная веротерпимость не смогли полностью изменить древнее мировоззрение белорусов [1, с. 43]. Однако, борьба официальной церкви с проявлениями язычества в конце XIX в., а в XX в. – борьба Советской власти с любыми религиозными течениями завершили процесс исчезновения минского капища.

Для дальнейшего исследования, по мнению авторов, представляют интерес причины, позволившие капищу на территории г. Минска просуществовать на протяжении столетий параллельно с монотеистическими религиями.

Литература:

1. Левков Э.А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Мн. «Навука і тэхніка», 1992. – 216 с.
2. Предместье Ляховка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.by/article/1166367> (дата доступа: 21.06.2019)
3. Библиотека минчанина: карты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minchanin.esmasoft.com/maps/1858/index.html> (дата доступа: 21.06.2019)
4. Шпилевский П.М. Путешествие по полесью и белорусскому краю / Мн. «Издательство «Беларусь», 2004. - 251 с.
5. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 704 с.
6. Экономика Белоруссии в эпоху империализма / Под ред. Т.Т. Ковалевского, М.Г. Матусевича, М.В. Окуня [и др.]. – Мн.: «Изд-во Академии наук БССР», 1963. – 422 с.
7. Шибeko З.В. Минск в конце XIX-начале XX в.: очерк соц.-экон. развития / Науч. ред. К.И. Шабуня, М.О. Бич. – Мн.: Наука и техника, 1985. – 151 с.
8. Кукуня О., Костич Т. Градостроительство [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ais.by/story/1546> (дата доступа: 21.06.2019)